

**ТВОРЧЕСТВО ШТИФТЕРА КАК ОБЪЕКТ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПОЛЕМИКИ**
THE ART OF STIFTER AS THE OBJECT OF LITERARY CONTROVERSY

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды литературоведов на творчество Адальберта Штифтера, австрийского писателя, художника и педагога, представителя позднего немецкого романтизма и бидермайера. Затрагиваются особенности образа природы, её роль в творчестве Штифтера, характерные черты стиля писателя («усploшнение» и накопление). Также обращается внимание на интерпретацию творчества Штифтера с точки зрения семиотического подхода.

Ключевые слова: А. Штифтер; романтизм; бидермайер; австрийская литература.

Abstract: The article discusses the views of literary critics on the art of Adalbert Stifter, an Austrian writer, artist and teacher, a representative of late German romanticism and biedermeier. It regards the peculiarities of the image of nature, its role in the work of Stifter, the characteristic features of the style of the writer («repletion» and accumulation). The article also concerns the interpretation of Stifter's work in terms of a semiotic approach.

Keywords: A. Stifter; romanticism; Biedermeier; Austrian literature.

Адальберт Штифтер, австрийский писатель, художник и педагог, был и остаётся колоритной фигурой в литературе. Известный как создатель сборников новелл («Этюды», 1844–1850 и «Пёстрые камни», 1853), романов («Бабье лето», 1857 и «Витико», 1865–1867) и повестей («Записки моего прадеда», 1841, «Полевые цветы», 1841 и проч.), Штифтер привлекал внимание исследователей стремлением сосредотачиваться на простой жизни, на её обыденных радостях, отгораживаясь от социального мира идиллией природы. Его утопия базируется на «идеях целесообразности и воспитательного значения красоты, необходимости разумного самоограничения и других» [11, с. 97].

Основным объектом рассмотрения творчества Штифтера всегда было изображение природы.

Еще Э. Ку, автор книги о Штифтере 1868 года, обозначил «...центральной проблемой всего творчества Штифтера уход человека в природу, своего рода эскапизм» [4, с. 44–45].

Ф. Геббель, немецкий драматург, автор трагедий «Юдифь» и «Мария Магдалина», был непримиримым критиком всего творчества Штифтера и, отмечая

большую сосредоточенность на описании природы, называл Штифтера «поэтом цветочков и жучков»: «Сначала он довольствовался тем, что перечислял нам семейства цветов, произрастающих на его излюбленных местах, затем нам были представлены отдельные экземпляры, а теперь мы получаем регистр тычинок» [7, с. 27]. Однако, анализируя острокритические высказывания Геббеля по отношению к Штифтеру, мы приходим к пониманию того, что драматург видел в австрийском писателе самое полное отражение культуры бидермайера. Культура эпохи Реставрации, полная идиллических картин, юмора, прославляющая честного филистера, вызывала резкое неприятие современников и «...была осмыслена как позитивная категория лишь в начале XX века» [3, с. 31].

Обвинения в мелочности и скрупулёзности «рассматривания тычинок» не могут быть в полной мере отнесены к Штифтеру. Как справедливо утверждает Ф. Мартини: «Он не может быть заключен в обобщающие рамки австрийского католического традиционализма, просветительско-эстетического идеализма, бюргерского бидермейера, классического реализма» [4, с. 5]. Штифтер представляет особую индивидуальную творческую личность, создавшую свою собственную традицию, не сходную с каким-либо одним направлением. Он стоит на перепутье течений, вбирая в себя лишь то, что считает необходимым.

Т. Манн, немецкий писатель и эссеист, мастер эпического романа, также признаёт значимость Штифтера для культуры, характеризуя его как «...одного из самых замечательных, сложных, подспудно-смелых и поразительно занятых повествователей в мировой литературе» [5, с. 297]. Говоря об особенностях изображения природы в произведениях австрийского писателя, Манн отмечает, что «...за спокойной, вдумчивой пристальностью, столь характерной для его видения природы, как раз и кроется то тяготение ко всему экстраординарному, перевозданно-катастрофическому, к патологии» [5, с. 298], ссылаясь на описание засухи в «Глухой деревне» Штифтера. Писатель видит ту сторону творчества Штифтера, которая почти не рассматривается исследователями, находится глубоко в подтексте и намечается лишь отдельными фрагментами. Действительно, наряду с идиллическими картинками в произведениях Штифтера присутствуют силы рока, преодолеть которые герои повестей и рассказов просто не в силах. Такое изображение природы не только в её прелести и полезности, но и в ужасающей катастрофичности отражает глубокое понимание Штифтером сути природы, её законов.

Австрийский писатель, поэт и драматург Г. Гофмансталь отмечает высокое мастерство Штифтера в демонстрации роли природы: «Природе предоставлено последнее слово, какой-нибудь ливень или снегопад вдруг приносит с собой решение всех вопросов, и собственная судьба предаётся в руки природы» [1, с. 647]. Гофмансталь удивляется произведениям Штифтера, описывая его творческий стиль как синтез христианства и античности, подразумевая смешение «...чисто христианской душевности с античной верою в природные силы» [1, с. 647].

Анализируя «Записки моего прадеда», М. Хайдеггер пишет об умении Штифтера «...показывать истинно великое в малом, указывать вовнутрь незри-

мого в мире людей... , давать услышать несказанное в сказанном» [12, с. 279]. А. В. Михайлов, советский и российский филолог-германист и культуролог, замечает, что изображение природы у Штифтера подчинено высшей идее обнаружения тайнописи мироздания, скрытых смыслов бытия: «Это уже действие, в котором природа принимает закономерное участие (отнюдь не будучи просто носителем, отражением человеческих чувств, не будучи и просто орнаментом сюжета и внешней сценой действия)» [6, с. 396]. Природа уравнивается в правах с героями произведений, становится полноправным участником, имеющим свои чувства, эмоции и мысли.

Отличная от других роль природы в произведениях Штифтера отнюдь не единственная характерная черта, отмечаемая литературоведами. Л. Н. Полубояринова делает акцент на приверженности Штифтера к непрерывным странствиям, включая в их перечень как описание физических предметов обстановки, так и духовного облика героев произведений. Полубояринова называет это «усploшнением», «заполнением пустот» и находит в этом выражение мировоззрения Штифтера: «Автору претит "перерыв постепенности" в любом своем обличье» [9, с. 102]. Такой вывод Полубояринова делает на основе анализа композиции «Бабьего лета» – романа-воспитания, в котором становление Генриха происходит через намечание контуров, областей непознанного и последовательного заполнения их. Говоря о причислении Штифтера к реалистам или бидермайеровцам, Полубояринова отвечает: «Преодолевая необыкновенно мощным художественным усилием бидермайеровскую поверхность и "усредненность", Штифтер сумел выкристаллизовать индивидуальную стилевую установку, не равную бидермайеру, но глубоко и полно отражающую суть этой эпохи, полемически противопоставив культ "сплошной" вещественности – "прерывистости" романтического субъективизма» [9, с. 106].

Н. С. Павлова, советский и российский филолог и переводчик, при анализе творчества Штифтера главным образом фокусирует внимание на «накоплении» как некотором законе письма Штифтера: «В развитии главного сюжета, как и в истории персонажей, <...> часто открывается "ещё одно прошлое", Plusquamperfectum» [7, с. 31–32]. Это позволяет писателю глубже проникать в суть вещей, находить параллели в жизнях различных героев, выводить лейтмотивные образы, переходящие из рассказа в рассказ, показывать взаимосвязь поступков людей и их характеров, мыслей и их судеб.

Продуктивным оказывается семиотический подход к произведениям австрийского классика. Его мир – мир знаков, организующихся в знаковые системы (например, системы двоичности, рассмотренные Г. А. Лошаковой на материале новеллы «Две сестры» в книге «Прозаические жанры австрийского литературного бидермайера» [2]). Не только природное, но и городское пространство (например, в сборнике «Вена и венцы») становится у Штифтера набором семиотических означающих, скрывающих миромоделирующие смыслы. Например, с этих позиций рассматривает художественный мир романа «Бабье лето» Н. Э. Сейбель в монографии «Австрийская параллель: Штифтер, Брех, Музиль» [10], где идиллик XIX века ставится во главу литературной традиции, воплотившейся затем в модернистском австрийском романе.

В современном литературоведении, как подчеркивает Л. Н. Полубояринова, классик «кроткого закона» Штифтер всё больше уступает место деструктивному писателю, предвосхитившему постмодернизм [8, с. 98], и живописцу, отразившему великий, подавляющий и безразличный космос, перед величием которого человек бессилён.

Читая произведения Штифтера, многие смотрят на них поверхностно, видя только длинные пространственные описания природы и потому быстро теряя какое-либо внимание. Однако если взглянуть в них пристальнее, станет виден тот смысл, который заложил Штифтер: проявление всеобщего «кроткого закона», являющегося основой жизни всего на Земле. Штифтер не стремится к описанию грандиозного и заметного – он приучает обращать внимание лишь на исключительное. Австрийский же писатель призывает всмотреться в обыденное, малое, то, что всегда рядом, что присутствует каждый день.

Библиографический список

1. Гофмансталь, Г. фон. Избранное / Г. фон Гофмансталь ; пер. с нем. ; предисл. Ю. Архипова ; коммент. Э. Венгеровой. – М. : Искусство, 1995. – 846 с.
2. Лошакова, Г. А. Прозаические жанры австрийского литературного бидермайера / Г. А. Лошакова. – Ульяновск : УлГУ, 2014. – 328 с.
3. Лошакова, Г. А. Немецкая классика и художественная проза бидермайера в Австрии / Г. А. Лошакова. – Ульяновск : УлГУ, 2013. – 239 с.
4. Лошакова, Г. А. Художественная проза бидермейера в Австрии: жанры и поэтика : дис. ... д-ра филол. наук / Г. А. Лошакова. – Нижний Новгород, 2014. – 426 с.
5. Манн, Т. История «Доктора Фаустуса». Роман одного романа : собрание сочинений : в 10 т. Т. 9 / Т. Манн. – М., 1960. – 689 с.
6. Михайлов, А. В. Адальберт Штифтер / А. В. Михайлов // История всемирной литературы : в 8 т. – М. : Наука, 1983–1994.
7. Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе / Н. С. Павлова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 312 с.
8. Полубояринова Л. Н. Адальберт Штифтер: вчера, сегодня, завтра / Л. Н. Полубояринова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – СПб., 2001. – Вып. 1. – С. 92–100.
9. Полубояринова, Л. П. Роман А. Штифтера «бабье лето»: к проблеме соотношения индивидуального стиля и стиля эпохи / Л. П. Полубояринова // Литература в контексте художественной культуры : сборник ; отв. ред. А. М. Фурсенко. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского университета, 1991. – Вып. 1. – С. 99–108.
10. Сейбель, Н. Э. Австрийская параллель: А. Штифтер, Г. Брех, Р. Музиль : монография / Н. Э. Сейбель. – Челябинск : ЧГПУ, 2005. – 290 с.
11. Сейбель, Н. Э. Эссе А. Штифтера «Über Schule und Familie» и роман «Der Nachsommer»: Педагогическая теория и художественная практика / Н. Э. Сейбель // Вестник СамГУ. – 2005. – № 4. – С. 97–103.
12. Хайдеггер, М. «Рассказ о лесе во льду» Адальберта Штифтера /

М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет ; составл., переводы, вступ. ст., примеч. А. В. Михайлова. – М., 1993. – С. 269–279.